

Научная статья

УДК 343.3

doi: 10.17223/22253513/52/7

Уголовно-правовая охрана политической системы России

Александр Викторович Шеслер^{1,2}

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

² *Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, Новокузнецк, Россия*
^{1, 2} *sofish@inbox.ru*

Аннотация. Обосновывается включение в круг преступлений против политической системы Российской Федерации деяний, предусмотренных гл. 29 УК РФ, нарушений законодательства о выборах в органы государственной власти, органы местного самоуправления, о референдуме, снижающих или исключающих легитимность действующей власти, а также воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов и других преступлений, совершенных по политическим мотивам (ст. 144 УК РФ). Раскрываются основания установления уголовной ответственности за деяния против политической системы в виде их вредоносности (способности причинять существенный вред политической системе, ее отдельным элементам, субъектам политической деятельности) и прецедентности (возможности повторения деяний против политической системы), которые составляют содержание общественной опасности подобных деяний. Критикуются предложения об излишней криминализации деяний против политической системы; вносятся предложения по совершенствованию норм об уголовно-правовой охране российской политической системы.

Ключевые слова: политическая система, легитимность власти, избирательная система, уголовно-правовая охрана

Для цитирования: Шеслер А.В. Уголовно-правовая охрана политической системы России // Вестник Томского государственного университета. Право. 2024. № 52. С. 91–103. doi: 10.17223/22253513/52/7

Original article

doi: 10.17223/22253513/52/7

Criminal and legal protection of the political system of Russia

Alexander V. Shesler^{1,2}

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

² *Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service, Novokuznetsk, Russian Federation*
^{1, 2} *sofish@inbox.ru*

Abstract. The article substantiates the inclusion in the circle of crimes against the political system of the Russian Federation of acts provided for in Chapter 29 of the Criminal Code of the Russian Federation, violations of legislation on elections to state

authorities, local governments, and referendums that reduce or exclude the legitimacy of the current government, as well as obstruction of the legitimate professional activities of journalists and other crimes committed for political reasons (Article 144 of the Criminal Code of the Russian Federation); the article reveals the grounds for establishing criminal liability for acts against the political system in the form of their harmfulness (the ability to cause significant harm to the political system, its individual elements, subjects of political activity) and precedent (the possibility of repeating acts against the political system), which constitute the content of the public danger of such acts; criticizes proposals on excessive criminalization of acts against the political system; introduces proposals for improving the norms on criminal law protection of the Russian political system.

In our opinion, the theory of criminal law should take a fresh look at the content of the public danger of an act, which is primarily taken into account when criminalizing it. We believe that the substantial characteristic of the public danger of a crime is revealed, firstly, through its harmfulness, i.e. through the ability of a crime to generate negative consequences for society (the ability to cause significant harm to the most important social relations protected by criminal law, or create a threat of causing such harm), secondly, through its precedent (its statistical indicator is the prevalence of the act), i.e. through the presence of human practice properties in the crime (the possibility of repetition of similar ones acts in the future). However, the ratio of these elements of the public danger of the act may be different. The higher the harmfulness of an act, the less precedent it may have for recognizing it as a crime.

Thus, acts of armed rebellion (Article 279 of the Criminal Code of the Russian Federation) are quite rare. However, their harmfulness is very great due to their ability to undermine the foundations of the constitutional system and the security of the state. In general, researchers point to a small number of reported crimes against the political system. However, the increased public danger of most of these crimes in the presence of small statistical indicators of their commission is a sufficient argument for recognizing them as socially dangerous and in need of criminalization.

Keywords: political system, legitimacy of power, electoral system, criminal-legal protection

For citation: Shesler, A.V. (2024) Criminal and legal protection of the political system of Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 52. pp. 91–103. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/52/7

Одной из важнейших задач уголовного законодательства в соответствии с ч. 1 ст. 2 УК РФ является охрана конституционного строя Российской Федерации, составной частью которого является ее политическая система. Усиливающиеся внешние и внутренние угрозы (терроризм, экстремизм, санкционное давление русофобского консолидированного Запада на нашу страну, его гибридная война против России, состоящая в том числе в оказании киевскому режиму военной и иной помощи в вооруженном конфликте между Россией и Украиной, и другие угрозы) сложившейся политической системе российского общества, которые в значительном числе случаев выражаются в конкретных преступлениях, влекут потребность в совершенствовании ее уголовно-правовой охраны. Для осуществления деятельности по такому совершенствованию необходимы научные исследования, позволяющие определить соответствующие практические проблемы и механизм их решения.

В этой связи представляется актуальным установить круг преступлений, посягающих на политическую систему российского общества, представить их виды, раскрыть основания установления уголовной ответственности за их совершение, предложить меры по совершенствованию норм об уголовно-правовой охране российской политической системы.

При характеристике круга преступлений, посягающих на политическую систему российского общества, следует обратить внимание на позицию А.А. Дегтерева, который впервые обосновал классификацию данных деяний. Исследователь выделил три группы таких преступлений, а именно: преступления против условий легитимности государственной власти, представленные нарушениями избирательного законодательства, посягающие на общественные отношения, связанные с выборами в органы государственной власти; преступления против средств массовой информации, представленные воспрепятствованием профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ); преступления против беспрепятственного осуществления своих политических функций государственными и общественными деятелями, представленные посягательством на жизнь государственного или общественного деятеля, насильственный захват или насильственное удержание власти, вооруженный мятеж [1. С. 26, 215]. Свою позицию автор обосновывает тем, что государство, политические партии, общественные объединения и средства массовой информации входят в политическую систему российского общества [1. С. 20–28].

Для конструктивной полемики с А.А. Дегтяревым следует обратиться к понятию политической системы общества. При всем многообразии точек зрения на это явление, следует обратить внимание на то, что все авторы фиксируют внимание в основном на субъектном составе тех институтов (государстве, политических партиях и объединениях), которые участвуют в политике [2. С. 441; 3. С. 94–109; 4. С. 22–57]. Такое понимание политической системы характеризует ее в реальном бытии. Сама политика – это участие в осуществлении государственной власти [5. С. 721]. С этих позиций, безусловно, государство – основной субъект политики и основа политической системы общества. Общественные объединения и политические партии конкурируют в борьбе за государственную власть: участвуют в выборах в органы государственной власти, в референдумах, имеют свои фракции, группы, отдельных депутатов в представительных органах власти. Поэтому они тоже субъекты политики. Безусловно, к субъектам политики следует отнести и отдельных физических лиц, которые обладают достаточной легитимностью и самостоятельностью в политической сфере, например, Президента Российской Федерации.

С этих позиций представляется обоснованным мнение А.А. Дегтерева о том, что уголовно наказуемые нарушения избирательного законодательства являются преступлениями против политической системы общества, так как выборы являются технологией обновления политической системы и условием легитимности государственной власти [6. С. 6–10; 11, 14].

Указанную позицию следует прежде всего уточнить. К преступлениям против политической системы следует относить не только нарушения избирательного законодательства, предусматривающего выборы в органы государственной власти Российской Федерации и органы государственной власти субъектов Российской Федерации, но и законодательства о референдуме, а также избирательного законодательства, предусматривающего выборы в органы местного самоуправления. Это уточнение основывается на том, что власть народа в соответствии со ст. 3 Конституцией Российской Федерации осуществляется непосредственно через референдум и свободные выборы, а также через органы государственной власти и местного самоуправления.

Кроме того, следует пояснить, почему выборы придают легитимность государственной власти. Прецедент такой легитимности создали освещенные идеями просвещения первые буржуазные революции западного типа (Английская революция с 1640 г. и Французская революция с 1789 г.), в противовес монархической легитимности, основанной на престолонаследии [7. С. 119–120; 8. С. 285–286, 333–334]. Падение монархических империй в период Первой мировой войны (1914–1918 гг.) придало выборам государственных органов как основе легитимности государства распространенный характер во всем мире. Даже Советское государство, отвергавшее либеральные институты, основывало свою легитимность на выборах [9. С. 231–232].

Данное представление о направленности уголовно наказуемых нарушений избирательного законодательства дает основание поддержать высказанное мнение о том, что нормы, содержащие признаки соответствующих составов преступлений, должны находиться в гл. 29, а не в гл. 19 УК РФ [10. С. 20–21]. Действительно, такие преступления посягают прежде всего на такой основной непосредственный объект, как общественные отношения, характеризующие условия легальности и легитимности государственной власти, сформированной в результате свободного волеизъявления граждан России. Избирательные права граждан в результате нарушения избирательного законодательства не во всех случаях являются даже дополнительным объектом посягательства. Особенно это очевидно при подкупе избирателя, когда он действует по своей воле, голосуя или отказываясь от голосования, тем более если мотивация подкупленного избирателя согласуется с его намерением голосовать определенным образом. При подкупе нет оснований считать избирателя потерпевшим [6. С. 14–16, 79, 403].

Такая позиция расходится с традиционным представлением об объекте уголовно наказуемых нарушений избирательного законодательства. Однако эта позиция соответствует сформировавшейся в России политической демократии. Ее суть состоит в том, что политика стала уделом профессионалов, представляющих интересы крупных политических корпоративных образований (либералов, коммунистов и т.д.). Основной технологией такой демократии, позволяющей получить доступ к политической власти (прежде всего государственной), являются выборы [11. С. 783–787]. Политическая

демократия сменила в 1990-х гг. не только в России, но и во всех республиках бывшего СССР социальную (низовую) демократию, при которой население непосредственно участвовало в политической жизни страны, в частности, через деятельность трудовых коллективов, признанных важнейшим субъектом политической системы советского общества (ст. 8 Конституции СССР). Избирательная система при социальной демократии не оказывала значимого влияния на технологию изменения власти. Мало того, сама советская избирательная система была подчинена социальной демократии, так как предполагала массовое участие населения в выборах. При политической демократии такого участия, носящего характер плебисцита, не требуется [12. С. 701; 13. С. 363–367]. Поэтому в советскую эпоху в период действия УК РСФСР специалисты уголовного права утверждали, что непосредственным объектом преступлений, нарушающих избирательное законодательство, являются избирательные права граждан [14. С. 214–225; С. 15. С. 682–685]. Полагаем, что в современный период аналогичная позиция исследователей [16. С. 29; 17. С. 20–24] обусловлена недооценкой существенного изменения соотношения удельного веса социальной и политической демократии в постсоветском обществе.

Важным является вопрос о том, какие субъекты политической жизни можно включать в политическую систему общества. В советский период после Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) в юридической литературе подчеркивалось единство политической системы общества. Соответственно этому в нее включались только те субъекты, деятельность которых основывалась на идеологической доктрине марксизма и была направлена на реализацию политики коммунистической партии [18. С. 176–192; 19. С. 63]. С этих позиций иные субъекты, определенным образом влияющие на социальные процессы в обществе, к участию в общественно-политической жизни не допускались и в политическую систему советского общества не включались, например, религиозные организации. В современный период в политическую систему российского общества входят разновекторные по своей направленности образования, включая оппозиционные политические партии и иные образования, в том числе религиозные. Однако в политическую систему входят не все оппозиционные образования, а только те из них, которые отвечают критериям системности, т.е. признают сложившиеся в обществе демократические процедуры обновления государственной власти и участия в делах государства [7. С. 111–112]. В противном случае оппозиционные образования не допускаются к участию в политике в правовом поле и могут быть признаны экстремистскими, а деятельность их лидеров уголовно наказуемой (ст. 282.1, 282.2 УК РФ). Необходимость в уголовно-правовых нормах об экстремизме возникает в связи с тем, что нормы об уголовно наказуемых нарушениях избирательного законодательства не в полной мере обеспечивают уголовно-правовую охрану легитимности существующей государственной власти. Избирательные технологии могут быть использованы несистемной оппозиции для захвата государственной власти

или на первом ее этапе для «размывания» ее легитимности, представляющего подготовку к такому захвату. Достаточно сказать о том, что система выборов в Советы народных депутатов в СССР была использована несистемной для советской политической системы либеральной оппозицией для захвата политической власти в стране, подменившей социальную демократию, характерную для традиционного общества, демократией политической, ставшей орудием не только разрушения Советского государства, но советской цивилизации [20. С. 7–10; 21–23].

Особо следует сказать о средствах массовой информации, которые оказывают важное влияние на политические процессы в обществе, на формирование политических настроений населения. Однако СМИ – именно средство в руках других субъектов политики (государства, правящих или оппозиционных партий и т.д.). Кроме того, деятельность СМИ может носить не политический характер, связана с реализацией не политической, а иной информации среди населения (о медицине, спорте, животных, огородных растениях и т.д.). Такая деятельность вообще не является реализацией интересов субъектов политики. Поэтому, полагаем, что СМИ не должны выделяться как самостоятельный элемент политической системы общества. Соответственно, не следует безоговорочно относить к преступлениям против политической системы воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов, как это предлагают некоторые исследователи. Такое преступление можно рассматривать как посягательство против политической системы общества в том случае, если оно совершено по политическим мотивам, выражающим несогласие с политикой государства в целом или в его отдельных сферах, которая реализуется в профессиональной деятельности журналиста.

По указанным основаниям вызывает возражения предложение о введении в действующее уголовное законодательство самостоятельной нормы, предусматривающей наказуемость посягательства на жизнь журналистов [6. С. 22, 227, 406]. Восприятие законодателем такого предложения означало бы излишнюю криминализацию деяния, которое уже подпадает под признаки преступления, предусмотренного в ст. 277 УК РФ в тех случаях, когда журналист выступает как общественный политический деятель. Если публикации журналиста не носят политического характера (например, публикации о фактах получения взяток главой органа местного самоуправления), то посягательство на его жизнь как лица, выполняющего общественный долг, подпадает по признаку убийства, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ либо покушения на него, если потерпевший после посягательства остается живым. В практике применения уголовного закона восприятие законодателем критикуемого предложения породит дополнительную проблему в виде конкуренции уголовно-правовых норм за посягательство на жизнь журналиста как специального потерпевшего. Кроме того, следуя логике указанного предложения, законодателю следовало бы вводить самостоятельные нормы, предусматривающие наказуемость посягательства на

жизнь всех лиц, осуществляющих различные виды политической деятельность или выполняющих различные виды общественного долга. Подобные возражения относятся также и к предложениям о введении в действующее уголовное законодательство самостоятельной нормы, предусматривающей наказуемость насилия в отношении журналистов [6. С. 22, 227, 406–407].

Вышеизложенная полемика позволяет сделать вывод о том, что к преступлениям против политической системы современного российского общества должны быть отнесены прежде всего преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, так как именно эти преступления направлены против законной деятельности основных субъектов данной системы (прежде всего против государства). Одни из этих преступлений связаны в основном с внешними угрозами российской политической системе (предусмотренные ст. 275, 275.1, 276, 280.2, 280.3 УК РФ и др.), другие – в основном с внутренними угрозами (предусмотренные ст. 278–280 УК РФ и др.). Причем мотивация данных преступлений может носить различный характер. Они не обязательно совершаются по политическим мотивам (мотивам несогласия с политикой государства в целом или в отдельных ее сферах). Так, государственная измена в виде шпионажа может быть совершена по корыстным мотивам, обусловленным вознаграждением изменника за совершение им действий, образующих шпионаж. Другие преступления, включенные в гл. 29 УК РФ, совершаются только по политическим мотивам, например, посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ). Иные мотивы при посягательстве на жизнь этих лиц (например, мотив ревности) влекут квалификацию деяния по соответствующим статьям гл. 16 УК РФ. Некоторые преступления, содержащиеся в гл. 29 УК РФ, вообще не могут совершаться по политическим мотивам. Например, утрата документов, содержащих государственную тайну (ст. 284 УК РФ), совершается по неосторожности, при которой мотивы находятся за пределами субъективной стороны преступления и носят в основном социально-нейтральный характер.

Безусловно, к преступлениям против политической системы российского общества следует относить уголовно наказуемые нарушения избирательного законодательства, так как выборы в современных условиях создают условия легитимности деятельности государства и являются основным смыслом деятельности другим субъектов политики (прежде всего политических партий и общественных объединений). Как уже отмечалось, вредоносная направленность уголовно наказуемых нарушений избирательного законодательства обуславливает необходимость перенесения предусматривающих их статей УК РФ из гл. 19 в гл. 30. Кроме того, к преступлениям против политической системы российского общества следует относить те уголовно наказуемые деяния, которые совершены по политическим мотивам, являющимся составной частью экстремистских мотивов. Как уже отмечалось, политические мотивы – это мотивы несогласия с политикой государства в целом или в отдельных ее сферах. По этим мотивам может совершаться достаточно большой круг преступлений. Прежде всего к ним

относятся преступления, образующие террористическую деятельность, которые предусмотрены различными главами УК РФ, преступления против общественной безопасности (гл. 24 УК РФ), преступления против мира и безопасности человечества (гл. 34 УК РФ). Те из них, которые совершаются по иным мотивам, к преступлениям против политической системы российского общества относить не следует. Например, массовые беспорядки (ст. 212 УК РФ) в исправительном учреждении, в основе которых лежат незаконные требования осужденных к администрации смягчить режим отбывания наказания, наемничество (ст. 359 УК РФ), обусловленное исключительно стремлением получить материальное вознаграждение за участие в вооруженном конфликте или военных действиях.

Специфическими являются основания установления головной ответственности за деяния против политической системы российского общества. В качестве основания установления уголовной ответственности за деяния в литературе прежде всего называется его общественная опасность. Понимается она исследователями по-разному. В течение многих десятилетий в науке уголовного права она связывалась с тем значительным вредом, который выражается в негативных изменениях в объекте преступления [24. С. 18–25; 25. С. 20–23; 26. С. 62–63; 27. С. 24]. Однако в связи с тем, что общественная опасность – это то, что существует в потенции, это угроза вреда в будущем, исследователи стали указывать на то, что она представляет собой способность деяния причинить значительный вред отношениям, охраняемым уголовным законом [28. С. 126–127; 29. С. 19, 49–51, 87, 240].

Вместе сводить общественную опасность преступления только к его вредоносности вряд ли правильно. Такая позиция не позволяет, на наш взгляд, обосновать установление уголовной ответственности с 14 лет за любую кражу (ч. 2 ст. 20 УК РФ), в частности, за кражу, предусмотренную ч. 1 ст. 158 УК РФ, которая не обладает способностью причинять значительный вред отношениям собственности, охраняемым нормами гл. 21 УК РФ. Кроме того, при совершении преступления вредоносность деяния реализуется в наступивших негативных последствиях, она исчерпывается. Возникает вопрос о том, сохраняется ли у совершенного деяния свойство общественной опасности?

В этой связи отметим, что П.А. Фефеловым высказан противоположный взгляд на сущность общественной опасности преступления, в соответствии с которым она состоит не во вредоносности преступного деяния, а в том, что оно обладает свойством прецедента, т.е. свойством человеческой практики, примером для подражания, возможности повторения в будущем. Эта позиция аргументируется тем, что иначе невозможно обосновать общественную опасность покушения, действий соучастников, преступлений с формальными составами [30. С. 52–63, 66–67, 71–74]. Идею автора о том, что преступление опасно в силу своего прецедентного характера, безусловно, следует поддержать. Бессмысленно запрещать под страхом уголовного наказания отдельные эксцессы человеческого поведения, которые не повторяются. Однако нельзя согласиться с тем, что сущность общественной опасности

преступления состоит прежде всего в его прецедентности. Любой вид человеческого поведения, несмотря на воплощение в нем свойств человеческой практики, не может быть криминализован, если не обладает свойством вредоносности. Именно это свойство служит основной составляющей общественной опасности преступления и предопределяет общественную опасность прецедентности деяния.

На наш взгляд, в теории уголовного права следует по-новому взглянуть на содержание общественной опасности деяния, которая прежде всего принимается во внимание при его криминализации. Полагаем, что содержательная характеристика общественной опасности преступления раскрывается, во-первых, через его вредоносность, т.е. через способность преступления порождать негативные для общества последствия (способность причинять существенный вред наиболее важным общественным отношениям, охраняемым уголовным законом, или создавать угрозу причинения такого вреда), во-вторых, через его прецедентность (ее статистическим показателем является распространенность деяния), т.е. через наличие у преступления свойств человеческой практики (возможности повторения подобных ему деяний в будущем) [35. С. 246–247]. Однако соотношение этих элементов общественной опасности деяния может быть различным. Чем выше вредоносность деяния, тем меньше может быть его прецедентность для признания его преступлением.

Так, акты вооруженного мятежа (ст. 279 УК РФ) являются достаточно редкими. Однако их вредоносность очень велика в силу способности подорвать основы конституционного строя и безопасности государства. В целом исследователи указывают на незначительное число регистрируемых преступлений против политической системы [7. С. 64–71]. Однако повышенная общественная опасность большей части таких преступлений при наличии малых статистических показателей их совершаемости является достаточным аргументом для признания их общественно опасными и нуждающимися в криминализации. Напротив, кражи без квалифицирующих признаков, совершаемые подростками, существенного вреда отношениям собственности причинить не могут. Вместе с тем статистические данные свидетельствуют о большой их распространенности среди этой возрастной категории населения. Поэтому высокая прецедентность краж среди несовершеннолетних в большей степени, чем их вредоносность, повлияла на то, что законодатель криминализировал этот вид деяний с 14 лет. Свойство прецедентности позволяет обосновать также общественную опасность уже совершенного преступления именно возможностью повторяемости деяний подобного рода.

Таким образом, основанием установления уголовной ответственности за деяния против политической системы Российской Федерации является их общественная опасность, содержание которой составляет их вредоносность (способности причинять существенный вред политической системе, ее отдельным элементам, субъектам политической деятельности) и прецедентность (возможности повторения деяний против политической системы).

В заключение отметим, что выводы, содержащиеся в настоящей статье, носят небесспорный и не исчерпывающий характер. Во многом они лишь наметили постановку реально существующей проблемы совершенствования уголовно-правовой охраны политической системы российского общества. Эти проблемы должны продолжать оставаться самостоятельным объектом исследования в науке уголовного права.

Список источников

1. Дегтерев А.А. Уголовно-правовое противодействие преступлениям против основ политической системы России. М. : Проспект, 2020. 224 с.
2. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарова, В.Е. Крутских. М. : ИНФРА-М, 2002. 704 с.
3. Шабров О.Ф. Современные политические системы и политические режимы // Политология / под ред. В.С. Комаровского. М. : Изд-во РАГС, 2006. С. 94–109.
4. Гончаров П.К. Политическая система российского общества в условиях постсоветского транзита (социологический анализ) : дис. ... д-ра социол. наук. М. : Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2009. 392 с.
5. Спиркин А.Г. Философия : учебник для бакалавров. М. : Юрайт, 2012. 828 с.
6. Дегтерев А.А. Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступлениям против основ политической системы России : дис. ... д-ра юрид. наук. М. : Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина, 2023. 407 с.
7. Панарин А.С. Политология : учебник. М. : Гардарики, 2004. 480 с.
8. Зиновьев А.А. Фактор понимания. М. : Алгоритм: Эксмо, 2006. 528 с.
9. Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век (1914-1991). М. : Изд-во АСТ, 2020. 688 с.
10. Дегтерев А.А. Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступлениям против основ политической системы России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М. : Российская академия адвокатуры и нотариата, 2023. 51 с.
11. Панарин А.С. Православная цивилизация. М. : Институт русской цивилизации, 2014. 1248 с.
12. Кара-Мурза С.Г. Потерянный разум. М. : Эксмо; Алгоритм, 2005. 736 с.
13. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. М. : Алгоритм, 2016. 1280 с.
14. Курс советского уголовного права в шести томах. Часть Особенная. Т. V / под ред. А.А. Пионтковского, П.С. Ромашкина, В.М. Чхиквадзе. М. : Изд-во Наука, 1971. 572 с.
15. Курс советского уголовного права. (Часть Особенная). Т. 3 / под ред. проф. Н.А. Беляева, проф. М.Д. Шаргородского. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. 836 с.
16. Красиков А.Н. Уголовно-правовая охрана политических, гражданских и иных конституционных прав и свобод человека и гражданина в России. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2000. 104 с.
17. Курманов А.С. Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина: сравнительно-правовое исследование. Челябинск : ЧелиРПО, 2007. 264 с.
18. Теория государства и права / под ред. С.С. Алексеева. М. : Юрид. лит., 1985. 480 с.
19. Ким А.И., Барнашов А.М. Государственная власть в СССР. Пособие по спецкурсу. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1980. 90 с.
20. Кара-Мурза С.Г. Русский путь. Вектор, программа, враги. М. : Алгоритм, 2014. 208 с.
21. Шеслер А.В. Соучастие в преступлении. Новокузнецк: Кузбасский институт ФСИН России, 2014. 84 с.

22. Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России : в 12 т. Т. X: Уголовное право в системе отраслей российского права / под ред. Р.Л. Хачатурова, Е.В. Благова. М. : Юрлитинформ, 2023. 552 с.
23. Панарин А.С. Политология. М. : Гардарики, 2004. 480 с.
24. Кузнецова Н.Ф. Значение преступных последствий. М. : Госюриздат, 1958. 220 с.
25. Прохоров В.С. Преступление и ответственность. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. 136 с.
26. Ковалев М.И. Проблемы учения об объективной стороне состава преступления/. Красноярск : Изд-во Красноярск. ун-та, 1991. 176 с.
27. Землюков С.В. Уголовно-правовые проблемы преступного вреда. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1991. 242 с.
28. Наумов А.В. Уголовное право. Общая часть: Курс лекций. М. : Изд-во БЕК, 2000. 590 с.
29. Ермакова О.В. Концептуальные основы отражения общественно опасного деяния и механизма его совершения в нормах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург : Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, 2023. 551 с.
30. Фефелов П.А. Уголовно-правовая концепция борьбы с преступностью: Основы общей теории. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. 256 с.

References

1. Degterev, A.A. (2020) *Ugolovno-pravovoe protivodeystvie prestupleniyam protiv osnov politicheskoy sistemy Rossii* [Criminal-legal counteraction to crimes against the foundations of the political system of Russia]. Moscow: Prospekt.
2. Sukharov, A.Ya. & Krutskikh, V.E. (2002) *Bol'shoy yuridicheskiy slovar'* [Large Law Dictionary]. Moscow: INFRA-M.
3. Shabrov, O.F. (2006) *Sovremennyye politicheskiye sistemy i politicheskiye rezhimy* [Modern political systems and political regimes]. In: Komarovskiy, V.S. (ed.) *Politologiya* [Political Science]. Moscow: RAGS. pp. 94–109.
4. Goncharov, P.K. (2009) *Politicheskaya sistema rossiyskogo obshchestva v usloviyakh post-sovetskogo tranzita (sotsiologicheskii analiz)* [The political system of Russian society in the context of post-Soviet transit (sociological analysis)]. Sociology Dr. Diss. Moscow: Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation.
5. Spirkin, A.G. (2012) *Filosofiya* [Philosophy]. Moscow: Yurayt.
6. Degterev, A.A. (2023) *Ugolovno-pravovyye i kriminologicheskiye problemy protivodeystviya prestupleniyam protiv osnov politicheskoy sistemy Rossii* [Criminal-legal and criminological problems of counteracting crimes against the foundations of the political system of Russia]. Law Dr. Diss. Moscow: Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University).
7. Panarin, A.S. (2004) *Politologiya* [Political Science]. Moscow: Gardariki.
8. Zinoviev, A.A. (2006) *Faktor ponimaniya* [The Understanding Factor]. Moscow: Algoritm, Eksmo.
9. Hobsbawm, E. (2020) *Epokha kraynostey. Korotkiy dvadtsatyy vek (1914–1991)* [The Age of Extremes. The Short Twentieth Century (1914–1991)]. Moscow: AST.
10. Degterev, A.A. (2023) *Ugolovno-pravovyye i kriminologicheskiye problemy protivodeystviya prestupleniyam protiv osnov politicheskoy sistemy Rossii* [Criminal-legal and criminological problems of counteracting crimes against the foundations of the political system of Russia]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow: Russian Academy of Advocacy and Notary.
11. Panarin, A.S. (2014) *Pravoslavnyaya tsivilizatsiya* [Orthodox Civilization]. Moscow: Institute of Russian Civilization.
12. Kara-Murza, S.G. (2005) *Poteryanny razum* [Lost Mind]. Moscow: Eksmo; Algoritm.

13. Kara-Murza, S.G. (2016) *Sovetskaya tsivilizatsiya* [Soviet civilization]. Moscow: Algoritm.
14. Piontkovskiy, A.A., Romashkin, P.S. & Chkhikvadze, V.M. (1971) *Kurs sovetskogo ugolovnoogo prava v shesti tomakh. Chast' Osobennaya* [Soviet Criminal Law in Six Volumes. Special Part]. Vol. 5. Moscow: Nauka.
15. Belyaev, N.A. & Shargorodskiy, M.D. (1973) *Kurs sovetskogo ugolovnoogo prava. (Chast' Osobennaya)* [Soviet Criminal Law. (Special Part)]. Vol. 3. Leningrad: Leningrad State University.
16. Krasikov, A.N. (2000) *Ugolovno-pravovaya okhrana politicheskikh, grazhdanskikh i inykh konstitutsionnykh prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossii* [Criminal-legal protection of political, civil and other constitutional rights and freedoms of individual and citizen in Russia]. Saratov: Saratov State University.
17. Kurmanov, A.S. (2007) *Prestupleniya protiv konstitutsionnykh prav i svobod cheloveka i grazhdanina: sravnitel'no-pravovoe issledovanie* [Crimes against constitutional rights and freedoms of man and citizen: A comparative legal study]. Chelyabinsk: ChelIRPO.
18. Alekseev, S.S. (1985) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: Yurid. lit.
19. Kim, A.I. & Barnashov, A.M. (1980) *Gosudarstvennaya vlast' v SSSR. Posobie po spets-kursu* [The state power in the USSR. A manual for the special course]. Tomsk: Tomsk State University.
20. Kara-Murza, S.G. (2014) *Russkiy put'. Vektor, programma, vragi* [The Russian Way. Vector, Program, Enemies]. Moscow: Algoritm.
21. Shesler, A.V. (2014) *Souchastie v prestuplenii* [Complicity in a Crime]. Novokuznetsk: Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.
22. Khachaturov, R.L. & Blagov, E.V. (2023) *Formirovanie i razvitie otrasley prava v istoricheskoy i sovremennoy pravovoy real'nosti Rossii* [Formation and Development of Branches of Law in the Historical and Modern Legal Reality of Russia]. Vol. 10. Moscow: Yurlitinform.
23. Panarin, A.S. (2004) *Politologiya* [Political Science]. Moscow: Gardariki.
24. Kuznetsova, N.F. (1958) *Znachenie prestupnykh posledstviy* [The meaning of criminal consequences]. Moscow: Gosyurizdat.
25. Prokhorov, V.S. (1984) *Prestuplenie i otvetstvennost'* [Crime and Liability]. Leningrad: Leningrad State University.
26. Kovalev, M.I. (1991) *Problemy ucheniya ob ob"ektivnoy storone sostava prestupleniya* [Problems of the doctrine of the crime objective side]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.
27. Zemlyukov, S.V. (1991) *Ugolovno-pravovye problemy prestupnogo vreda* [Criminal-legal problems of criminal harm]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
28. Naumov, A.V. (2000) *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'* [Criminal Law. General Part]. Moscow: BEK.
29. Ermakova, O.V. (2023) *Kontseptual'nye osnovy otrazheniya obshchestvenno opasnogo deyaniya i mekhanizma ego soversheniya v normakh Osobennoy chasti Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii* [Conceptual foundations of reflection of a socially dangerous act and the mechanism of its commission in the norms of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation]. Law Dr. Diss. Ekaterinburg: Ural State Law University.
30. Fefelov, P.A. (1999) *Ugolovno-pravovaya kontseptsiya bor'by s prestupnost'yu: Osnovy obshchey teorii* [The criminal-legal concept of fight against crime: Fundamentals of the general theory]. Ekaterinburg: Ural State University.

Информация об авторе:

Шеслер А.В. – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государ-

ственного университета (Томск, Россия); профессор кафедры уголовного права Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний (Новокузнецк, Россия).
E-mail: sofish@inbox.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Shesler A.V., National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation), Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service (Novokuznetsk, Russian Federation).
E-mail: sofish@inbox.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.04.2024;
одобрена после рецензирования 11.05.2024; принята к публикации 21.06.2024.*

*The article was submitted 12.04.2024;
approved after reviewing 11.05.2024; accepted for publication 21.06.2024.*